DOI: 10.17976/jpps/2020.05.04

РОССИЯ И КИТАЙ В БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

А.В. Лукин

ЛУКИН Александр Владимирович, доктор исторических наук, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований, МГИМО МИД России; профессор, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, email: avlukin@hse.ru

Лукин А.В. Россия и Китай в Большой Евразии. – Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 46-59. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.04

Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-02.

Статья поступила в редакцию: 05.05.2020. Принята к публикации: 23.06.2020

Аннотация. Китай и Россия – основные движущие силы евразийской интеграции. Россия продолжает политику "поворота на Восток", в то время как Китай в русле своей инициативы "Один пояс – один путь" движется на Запад. Интересы России и Китая встретились в Евразии, и их дружеские отношения привели к формированию ряда проектов сотрудничества. Наиболее важными из них являются процесс интеграции между Евразийским экономическим союзом и Инициативой Экономического пояса Шелкового пути, а также план по созданию более широкого Евразийского экономического партнерства, или Большой Евразии. В данной статье рассматриваются причины, побудившие две страны активизировать сотрудничество в Евразии, его нынешнее состояние и перспективы.

Ключевые слова: Большая Евразия, Россия, Китай, Центральная Азия, евразийская интеграция, инициатива "Один пояс – один путь".

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время Россия и Китай являются главными движущими силами евразийской интеграции. Россия проводит политику "поворота на Восток", что обусловлено не только объективной необходимостью развития собственных азиатских территорий и присоединения к новому центру мировой экономики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и давлением со стороны Запада, отношения с которым значительно ухудшились после начала украинского кризиса в 2014 г. В то же время Китай запуском инициативы "Один пояс – один путь" переместил фокус внимания на Запад. Это движение вызвано как экономическими, так и геополитическими интересами. Среди первых ключевой интерес – необходимость выхода на развивающиеся рынки Европы через богатую сырьевыми ресурсами Евразию, среди вторых – балансирование давления со стороны США, которые пытаются ограничить укрепление Китая и рост его влияния в мире. Эти тенденции проявились особенно отчетливо в период президентства Д. Трампа, провозгласившего открытую торговую войну против Пекина. Интересы России и Китая встретились в Евразии, и их дружественные отношения привели к нескольким проектам сотрудничества в данном регионе. В качестве наиболее важных можно выделить процесс сопряжения между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и китайской инициативой Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), а также идею создания более широкого Евразийского экономиче-

ского партнерства, или Большой Евразии. В данной статье рассматриваются причины, побудившие две страны активизировать сотрудничество в Евразии, его нынешнее состояние и перспективы.

Геополитика Евразии

В течение многих лет геополитическое мышление в США сосредоточивалось прежде всего на опасности, которая могла бы возникнуть, если бы на евразийском материке усилились и завоевали господство антиамериканский альянс, коалиция держав или одна антиамерикански настроенная держава. Это представление уходит своими корнями в труды основателей геополитической мысли Х. Маккиндера [Mackinder 1904] и Н. Спикмана [Spykman 1942]. Под влиянием их идей следующее поколение американских теоретиков делало все возможное, чтобы ни одна держава или коалиция стран не могла контролировать евразийский материк. В то же время практические геополитические интересы обычно господствовали над идеологией. Несмотря на правые, антикоммунистические убеждения, президент США Р. Никсон по рекомендации советника по национальной безопасности Г. Киссинджера пошел на улучшение отношений с коммунистическим Китаем. Аналогичным образом активный защитник прав человека президент Дж. Картер последовал предложению своего советника по национальной безопасности З. Бжезинского и установил дипломатические отношения с Пекином. Несмотря на то, что в Китае под руководством Мао Цзэдуна ситуация с защитой прав человека обстояла еще хуже, чем в Советском Союзе, геополитические соображения требовали, чтобы слабое коммунистическое государство было оторвано от своего более сильного союзника для недопущения их совместной гегемонии в Евразии.

Подобные геополитические подходы оказали значительное влияние на современную американскую и европейскую мысль по вопросу политики в Евразии. Серьезные опасения на Западе вызывал сценарий силового объединения Евразии враждебной континентальной державой силовым путем, причем такой сценарий рассматривался в качестве единственно возможного. В соответствии с этим в*и*дением фундаментом западной политики в данном регионе становилось стремление не допустить появления в Евразии какого-либо мощного государства и альянса таких государств, способных объединить ее на враждебной или даже просто альтернативной Западу основе. Влияние любых кандидатов на подобную роль, независимо от политической или экономической системы, следовало ограничивать. Эту идею выразил З. Бжезинский, написав вскоре после распада СССР: “Потенциально самым опасным сценарием развития событий может быть создание ‘антигегемонистской’ коалиции с участием Китая, России и, возможно, Ирана, которых будет объединять не идеология, а взаимодополняющие обиды. Такое развитие событий может напоминать по своему размеру и масштабу проблему, которая однажды уже была поставлена китайско-советским блоком, хотя в этот раз Китай, вероятнее всего, будет лидером, а Россия – ведомым” [Бжезинский 2016: 44]. О недопущении российско-китайского сближения, которое будет представлять угрозу национальным интересам США, писали и другие американские авторы – сторонники внешнеполитического реализма.

По мнению американских аналитиков, исчезновение СССР с политической карты мира создало неожиданную и уникальную для США возможность

стать гегемоном в этом регионе. Согласно Бжезинскому, "Главный геополитический приз для Америки – Евразия. Половину тысячелетия преобладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте" [там же].

Американские теоретики внешней политики сразу же обозначили строгие ограничения крупных евразийских держав с целью исключить их способность бросить вызов новому доминированию США в регионе. Даже в случае установления дружественных отношений с Россией (как и с Китаем или, скажем, с Германией) им нельзя было разрешить чрезмерно укрепиться в Евразии. Об этом прямо писал, например, Г. Киссинджер: "Геополитически Америка представляет собою остров между берегами гигантской Евразии, чьи ресурсы и население в огромной степени превосходят имеющееся у Соединенных Штатов. Господство какой-либо одной державы над любым из составляющих Евразию континентов: Европой или Азией – все еще остается критерием стратегической опасности для Америки независимо от наличия или отсутствия холодной войны. Ибо такого рода перегруппировка стран способна превзойти Америку в экономическом, а в конечном счете и в военном отношении. Опасности этой придется противодействовать, даже если господствующая держава будет по отношению к Америке настроена благожелательно, ибо стоит ее намерениям перемениться, как Америка окажется лишенной значительной части возможностей, обеспечивающих эффективное сопротивление, и во все большей степени начнет утрачивать возможности оказывать решающее воздействие на события" [Киссинджер 1997: 740-741]. Опасностью для влияния США признавались не иные (например, недемократические) политические режимы, как это предполагает либеральная теория международных отношений, но все крупные и самостоятельные государства.

Однако после того, как Советский Союз исчез с карты мира, традиционный геополитический подход потерял влияние. Западные элиты восприняли это событие как триумф собственной идеологии. Это убеждение нашло наиболее радикальное выражение в экзотической теории Ф. Фукуямы о "конце истории". Меры предосторожности и геополитические нюансы больше не нужны: зачем беспокоиться о реакции России, Китая и других стран, если "либеральный мировой порядок" находится на пороге полной победы и все страны стройными рядами, пусть и с разной скоростью, движутся к свободе, демократии и рыночной экономике?

В реальности распад Советского Союза не остановил коренных тенденций мирового развития, в частности, тенденции к созданию новых незападных центров силы мировой политики, о которой наиболее дальновидные эксперты начали говорить еще в 1970-1980-е годы [Фролов 2016]. Нежелание США принять этот процесс привело к тому, что эти новые центры стали координировать усилия по созданию противовеса стремлению Вашингтона сохранить безоговорочное господство над миром. Этот процесс выразился в создании различных незападных организаций и групп, в частности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС. Но главным последствием политики Вашингтона стало ускорение сближения России, постепенно восстанавливавшей собственное влияние,

с быстро развивающимся Китаем. Эти отношения переросли в глубокое и тесное стратегическое партнерство, которое, по мнению Д.В. Тренина, можно называть "антантой" (согласием). Оно представляет собой "гармоничное объединение двух крупных держав, базирующееся на общности некоторых ключевых интересов, общей неприязни к мировому гегемону – Соединенным Штатам, определенной координации действий во внешней политике и политике безопасности и определенной взаимной симпатии лидеров" [Тренин 2015: 23]. Таким образом, сама политика США создала условия возникновения опасности их могуществу, о которой предупреждали предыдущие несколько поколений американских и европейских стратегов, заключающейся в возможности потери Вашингтоном контроля над Евразией в результате углубляющегося сближения между двумя главными евразийскими державами: Россией и Китаем [Lukin, Torkunov 2020].

КОНЦЕПЦИЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Российские экспертные круги разработали концепцию Большой Евразии в 2015 г., сделав вывод, что ухудшение отношений с Западом из-за украинского кризиса было необратимым[1] [Тренин 2015].

Эксперты международного дискуссионного клуба "Валдай" и Высшей школы экономики сформулировали эти идеи в нескольких отчетах и рекомендациях для руководства страны. В результате президент В.В. Путин включил их в свою речь и интервью на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 г. Он назвал возникающую систему "Евразийским партнерством" и разделил ее авторство с тогдашним президентом Казахстана Н. Назарбаевым, с которым обсудил ее накануне форума. Путин также упомянул, что более 40 стран и международных организаций выразили желание установить зону свободной торговли с Евразийским экономическим союзом, и предположил, что ЕАЭС может стать одним из центров формирующейся зоны интеграции. Исходя из этого, он предложил рассмотреть "перспективы более широкого евразийского партнерства с участием ЕАЭС и стран, с которыми у нас уже есть тесные партнерские отношения – Китай, Индия, Пакистан и Иран, – и, конечно, наши партнеры по СНГ, а также другие заинтересованные страны и ассоциации"[2].

Идея Путина вошла в российско-китайскую декларацию, которая была подписана лидерами двух стран в ходе визита президента России в Китай в июне 2016 г. В документе подчеркивается первостепенное значение, которое стороны придают выполнению российско-китайского соглашения о сопряжении формирования ЕАЭС с реализацией Экономического пояса Шелкового пути. В документе также содержится призыв к созданию "евразийского всеобъемлющего партнерства, основанного на принципах открытости, транспарентности и учета взаимных интересов, в том числе с возможным подключением стран – членов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН". Правительствам двух стран было поручено разработать меры по реализации данной инициативы[3].

[1] Lukin A. Russia, China and the Emerging Greater Eurasia. – *The Asan Forum*. 2015. URL: http://www.theasanforum.org/russia-china-and-the-emerging-greater-eurasia/ (accessed 06.04.2020).

[2] Путин В.В. *Интервью китайскому информационному агентству "Синьхуа"*. 23.06.2016. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/52204 (accessed 06.04.2020).

[3] *Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики*. 25.06.2016. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5100 (accessed 06.04.2020).

Во время визита китайского премьера Ли Кэцяна в Москву в ноябре 2016 г. председатель российского правительства Д.А. Медведев сообщил, что Россия и Китай провели "совместное исследование того, на чем должно строиться партнерство", результаты которого были обсуждены на встрече с китайским премьером. Экспертам двух стран было поручено приступить к разработке экономического обоснования проекта[4].

В статье, написанной в ноябре 2017 г., президент Владимир Путин еще раз упомянул "нашу идею создания Большого Евразийского партнерства" на основе Евразийского экономического союза и инициативы Китая "Один пояс – один путь"[5]. Он охарактеризовал его как "гибкий современный проект, открытый для других участников". На заседании Высшего Евразийского Совета в Ереване в начале октября 2019 г. Путин заявил о необходимости "налаживать тесные связи Евразийского союза с Шанхайской организацией сотрудничества и АСЕАН, работать в пользу Большого Евразийского партнерства", отметив, что "особую роль в этом контексте играют торгово-экономические отношения Евразийского экономического союза с Китаем"[6].

Средства массовой информации и экспертное сообщество стали называть данный проект Большой Евразией. По мнению авторов идеи, главными чертами Большой Евразии являются следующие:

1. Большая Евразия – это новое международное объединение, формирующееся на основе российско-китайского сближения и усилий по сопряжению ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути.

2. Другие незападные организации и группы, прежде всего ШОС, АСЕАН и БРИКС, будут играть значительную роль в этом процессе [Denisov et al. 2019].

3. Большая Евразия пока не является официальной организацией или даже группой. Это своего рода партнерство, базирующееся на общих интересах незападных государств.

4. Участвующие государства объединяются на базе общих политических и экономических интересов. Политическая заинтересованность проистекает из озабоченности по поводу однополярного мира, в котором США и их союзники пытаются играть диктаторскую роль и не уважают интересы, а зачастую и суверенитет других государств. Участники Большой Евразии разрабатывают принципиально иной подход к мировой политике, основанный на принятии системы международного права, как она сложилось после Второй мировой войны, признании ведущей роли Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности, уважении к различным культурным традициям и политическим системам, а также плюрализме и демократии в международных отношениях. Эти положения весьма сходны с принципами "мирного сосуществования", которые развивающиеся страны впервые сформулировали еще на Бандунгской конференции в 1955 г., а также с так называемым шанхайским духом, продвигаемым ШОС.

[4] Медведев: Россия формирует евразийское партнерство с Китаем. – *РИА Новости*. 16.11.2016. URL: https://ria.ru/east/20161116/1481497327.html (accessed 06.04.2020).

[5] Путин В.В. *XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию*. 08.11.2017. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56023 (accessed 06.04.2020).

[6] *Заседание Высшего Евразийского экономического совета*. 01.10.2019. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/61682 (accessed 06.04.2020).

5. Экономические интересы могут составлять базис широкого партнерства. Они включают в себя сопряжение ЕАЭС и ЭПШП, а также усиление экономической составляющей ШОС после присоединения к ней Индии и Пакистана и, возможно, Ирана. Также в будущем представляется возможным формирование расширенной зоны свободной торговли (ЗСТ). Китай уже создал такие зоны с несколькими странами – участницами АСЕАН, и еще одна была учреждена в рамках ЕАЭС. Создание ЗСТ между ЕАЭС и Китаем провозглашено долгосрочной целью в совместном российско-китайском заявлении 2015 г.[7] В перспективе эти зоны свободной торговли могут расширяться или даже объединяться, например на основе Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), предложенного Китаем и АСЕАН. Другим важным экономическим интересом является создание новых транспортных маршрутов через Центральную Азию в Европу в рамках связи с Экономическим поясом Шелкового пути и в рамках инициативы "Морской шелковый путь", которая соединит Евразию со странами АСЕАН.

6. Большая Евразия будет открытым партнерством для всех, включая государства Европы, в том числе членов Европейского союза при условии, если они выразят согласие придерживаться ее плюралистических принципов. Интерес, который европейские государства проявили к предложенному Китаем Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (AIIB), Экономическому поясу Шелкового пути и, в последнее время, ЕАЭС, указывают на то, что такая возможность существует. Однако новая евразийская система не будет ориентирована на Европу и не будет включать в себя условие, согласно которому все участники принимают так называемые европейские ценности. Система ценностей будет евразийской, базирующейся на принципах плюрализма и многополярности.

Концепция Большой Евразии все еще находится в стадии разработки, и ее точные границы остаются неопределенными. Эксперты из ряда стран, в первую очередь из России и Китая, работают над тем, чтобы решить эту проблему. На пути к созданию этой концепции они столкнулись с рядом трудностей: деструктивной политикой Соединенных Штатов, международным терроризмом, а также зачастую противоположными интересами и разногласиями между евразийскими игроками и организациями. Однако глобальные тенденции благоприятствуют созданию Большой Евразии, что указывает на то, что этот процесс необратим. Главной среди них является геополитическое сближение России и Китая [Lukin 2018].

РОССИЯ: ОТ МЛАДШЕГО ПАРТНЕРА ЗАПАДА ДО НЕЗАВИСИМОГО ЦЕНТРА СИЛЫ

В начале 1990-х годов, сразу после распада Советского Союза, новое российское правительство было полно надежд на сотрудничество с США и их союзниками и было готово присоединиться к так называемому цивилизованному миру, возглавляемому Западом, даже в качестве младшего партнера. Сегодня идея становления России как независимого мирового центра силы в Евразии пришла на смену стремлению подключиться к европейской системе

[7] *Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути*. 08.05.2015. URL: http://kremlin.ru/supplement/4971 (accessed 06.04.2020).

в качестве официального курса Москвы. Этот курс продвигается большей частью российских экспертов – политологов и международников. Если в 2000 г. В.В. Путин в разговоре с Б. Клинтоном зондировал возможность вступления России в НАТО, то спустя десятилетие с небольшим, в мае 2013 г., во время инаугурации он заявил, что "историческая перспектива государства и нашей нации зависят сегодня... от нашей способности стать лидерами и центром притяжения всей Евразии"[8]. А в сентябре 2013 г. на заседании международного дискуссионного клуба "Валдай" он подчеркнул, что "Евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии"[9].

Считавшийся главным интеллектуалом президентской администрации В.Ю. Сурков всего десятилетие назад говорил о необходимости не "выпадать из Европы, держаться за Запад" как о важнейшем элементе построения России[10]. Но к 2018 г. он полностью изменил свой подход и заявил о необходимости прекращения "многократных и бесплодных попыток стать частью Западной цивилизации", предсказав России сто, а может, и триста лет одиночества [Сурков 2018]. Известный теоретик внешней политики С.А. Караганов, ранее считавшийся западником, пишет об исчерпании Россией "европейской кладовой" [Караганов 2018], необходимости преодоления "остаточного западоцентризма" и активно развивает целую школу внешнеполитической мысли, в рамках которой Россия рассматривается в качестве объединяющего центра Большой Евразии[11].

Эти изменения говорят о том, что разочарование элиты в либерально-европейском выборе, сделанном в конце советского и начале российского периода, и ее сегодняшняя евразийская ориентация явились результатом долгого и болезненного процесса мировоззренческой эволюции, ставшей ответом на ход международных процессов. Российская политическая элита вовсе не была изначально настроена "антизападно", каждый московский лидер (и М.С. Горбачев, и Б.Н. Ельцин, и В.В. Путин) поначалу пытался наладить с Западом равноправное сотрудничество, и только когда убеждался в невозможности этого, переходил к более многовекторному курсу.

Таким образом, Запад своей политикой после распада СССР фактически завел Москву в безвыходную ситуацию. Руководство в Кремле было поставлено перед необходимостью выбора: либо полностью отказаться от собственной политики и подчиниться Вашингтону и его союзникам, либо принципиально изменить внешнеполитическую стратегию. Первый вариант противоречил бы российскому восприятию достойной роли страны и ее статуса в мировых делах как великой державы. "Россия не может быть государством, если она не будет суверенной. Некоторые страны могут, Россия – нет", – подчеркнул

[8] Сысоев Г. Путин не возражает против вступления России в НАТО. – *Коммерсантъ*. 07.03.2000. URL: https://www.kommersant.ru/doc/142046 (accessed 06.04.2020); *Владимир Путин вступил в должность Президента России*. 07.05.2012. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/15224 (accessed 06.04.2020).

[9] *Заседание международного дискуссионного клуба "Валдай"*. 19.09.2013. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/19243 (accessed 06.04.2020).

[10] Сурков В. Национализация будущего: параграфы pro суверенную демократию. – *Эксперт*. 2006. № 43. URL: https://expert.ru/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/ (accessed 04.04.2020).

[11] Караганов С. Куда идти и с кем идти: внешняя политика на пороге нового десятилетия. – Российская газета. – *Федеральный выпуск*. 2019. № 294. URL: https://rg.ru/2019/12/26/sergej-karaganov-neobhodim-kurs-na-preodolenie-ostatochnogo-zapadnocentrizma.html (accessed 06.04.2020).

В.В. Путин в 2019 г.[12] Это понимание предопределило переход к новому курсу, выразившемуся в постепенном отказе от прозападной ориентации и стремлении превратить Россию в "независимый центр силы" в Евразии.

Разработанная в 1920-е годы российскими эмигрантами теория евразийства, целью которой было объяснить и частично оправдать победу большевиков и их укрепление во власти, имела лишь косвенное отношение к этому процессу. Эта теория первоначально получила популярность в Казахстане. Там особенно положительно было воспринято крайне спорное утверждение классических евразийцев о том, что различия русских и европейцев, в том числе даже других проживающих в Европе славян, являются качественными и обусловлены смешением с народами степи, а в результате этого смешения якобы возникла некая особая "туранская" цивилизация. Эта теория возвышала роль степных народов до уровня создателей уникальной цивилизации. Поэтому, например, классические евразийцы, в особенности их последний представитель – советский историк Л.Н. Гумилев – стали здесь культовыми фигурами (именем Л.Н. Гумилева в Казахстане назван Евразийский национальный университет, к его столетнему юбилею в 2012 г. выпущена специальная почтовая марка, а первый президент республики Н. Назарбаев использует цитаты из его работ в своих выступлениях и статьях). В России сторонники евразийства существовали всегда, однако в 90-е годы XX в. эта тенденция в политике была маргинальной. Широкую популярность теории евразийцев получили в результате ухудшения отношений с Западом и изменений в экономической политике. Политической элите позднепутинского периода особо импонируют такие положения евразийства, как идеал "идеократии" – государства, основанного не на меркантилизме, но имеющего некую идеологическую цель, а также модель ограниченно-рыночной экономики, регулируемой государством, при широком использовании частной инициативы главным образом в малом и среднем бизнесе и сельском хозяйстве. Подобная модель стала близка экономической политике Кремля после 2012 г., в особенности в части создания крупных государственных корпораций, а также большинству экономических моделей центрально-азиатских государств.

В целом евразийская ориентация России имеет явные преимущества перед чисто европейской. Во-первых, ее неотъемлемой частью является стремление стать независимым полюсом в формирующейся многополярной системе, а это в гораздо большей степени соответствует историческим представлениям россиян о роли и месте их страны в мире. Так было и в досоветский период, а опыт жизни в СССР, который продолжает непосредственно влиять на взгляды современных россиян, выработал у них понимание своей страны как великой державы. Во-вторых, представления большинства россиян об идеальной экономической системе и экономическая политика путинской России также в гораздо большей степени соответствуют евразийской модели. Не следует забывать и то, что все эффективные экономические реформы в России осуществлялись при активной роли государственной власти. В-третьих, активизация на азиатском направлении как внутри страны (по отношению к собственным азиатским регионам), так и в международной политике, безусловно, призвана способствовать решению важнейшей стратегической задачи – развитию Сибири и Дальнего Востока и их

[12] Путин В.В. *Послание Президента Федеральному Собранию.* 20.02.2019. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59863 (accessed 06.04.2020).

подключению к международной интеграции в АТР. В геополитическом смысле превращение России в независимый центр влияния в Евразии, вокруг которого будут консолидироваться другие менее крупные региональные игроки, будет способствовать укреплению ее безопасности и формированию дружественного окружения, как следствие – мирному политическому и эффективному экономическому развитию страны. Важнейшую роль в этом процессе может сыграть укрепление и расширение Евразийского экономического союза и запущенный в 2015 г. процесс его сопряжения с китайской инициативой ЭПШП, а также повышение эффективности ШОС и развертывание в сотрудничестве с Китаем проекта Большого Евразийского партнерства. Однако способность России занять место независимого центра силы в Евразии не безусловна.

Ухудшение отношений с Западом стало ценой, которую Москва платит за собственную независимость, но ее экономический базис пока вряд ли достаточен для ее обеспечения. И здесь речь может идти не только о внутренних экономических проблемах. Вопрос экономической эффективности заставляет обратить внимание на то, как стимулировать торговлю с европейскими государствами в нынешних неблагоприятных обстоятельствах, а также и на то, как наладить более тесные экономические связи в Азии, способствующие ускоренному развитию России. Сбалансированные и стабильные связи с экономикой Китая обсуждаются в России с 2000-х годов. В последнее время одним из ключевых является вопрос о том, создаст ли ЕАЭС новые стимулы для ускорения Россией своего экономического развития или он станет экономическим придатком мощной китайской экономики. Пока что можно признать частичный успех России на пути использования ЕАЭС для утверждения ее независимой роли в Евразии как центрально-азиатскими государствами, так и Китаем, о чем свидетельствует согласие Пекина на запуск процесса сопряжения ЕАЭС с ЭПШП. Но недостаточные экономические успехи России оставляют будущее неопределенным.

КИТАЙ И БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ

Китай как на официальном, так и экспертном уровнях выражает заинтересованность в развитии Большого Евразийского партнерства. Неслучайно этот интерес возрос после того, как усилилась торговая война с США. Представляется, что, как и в России после 2014 г., в Китае после прихода к власти Д. Трампа поняли, что с Западом будет трудно иметь дело на равных, поскольку Соединенные Штаты были полны решимости ограничить рост Китая и не позволить ему бросить вызов западному господству.

Китайские международники в целом позитивно оценивают идею более тесного сотрудничества с Россией в Евразии, многие из них одобряют и проект Большого Евразийского партнерства. В статье, размещенной на портале Государственного информационного центра Китая, утверждается, что "практическая реализация идеи 'всеобъемлющего евразийского партнерства', выдвинутой российским президентом Путиным, имеет большое стратегическое значение для восстановления мировой системы, для соглашения по евразийскому континенту, а также для интенсивного вхождения Китая в мировую экономику"[13]. Первый вице-президент Китайской академии меж-

[13] 张晓兰, 构建"欧亚全面伙伴关系"的意义及措施, 2018年1月26日 [Zhang Xiaolan. *The Significance and Measures of Constructing "Eurasian Comprehensive Partnership"*]. 26.01.2018. URL: http://www.sic.gov.cn/News/456/8816.htm (accessed 06.04.2020).

дународных проблем МИД КНР Жуань Цзунцзе отмечал: “Выдвижение инициативы ‘Один пояс – один путь’ оказало значительное влияние на Россию, в России также обдумывают, как осуществлять сопряжение. В выдвинутых недавно Путиным предложениях по созданию партнерства в Большой Евразии есть некоторые совпадения с данной инициативой. По сути, они создают возможность сотрудничества Китая и России в евразийском материковом регионе, расширяют пространство китайско-российского сотрудничества”. По мнению эксперта, концепцию Большого Евразийского партнерства надо рассматривать как результат неизменного российского стремления улучшать стратегическую среду путем постоянного совершенствования своей общей стратегии, что в разное время выразилось в выдвижении таких проектов, как “Транспортный коридор Север – Юг” и ЕАЭС[14].

И.о. директора Института ШОС той же академии Ли Цзыго, поясняя мотивы действий России, соглашается с доминирующим российским подходом. Он пишет, что еще с 60-х годов XX в. московским руководством вынашивалась идея создания “большой европейской семьи”. В этой связи в 2010 г. президент Д.А. Медведев выдвинул идею нового договора о европейской безопасности, а премьер В.В. Путин предложил новую европейскую экономическую систему “от Лиссабона до Владивостока”. Однако “Запад считал себя победителем в холодной войне, постоянно сжимая российское пространство” и пытаясь сделать ее полностью проигравшей стороной в геополитическом противостоянии. “В конце концов Россия осознала, что стать частью Запада невозможно” [Li 2017]. Это стало причиной для России обратиться к Евразии.

По словам ученого, “Большое Евразийское партнерство – это инициатива общерегионального экономического сотрудничества, выдвинутая Россией в новой ситуации и имеющая некоторый геополитический оттенок. Ее центральный элемент – продвижение строительства ЕАЭС, однако в качестве важного партнера рассматривается Китай, а важнейшего направления – сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Большое евразийское партнерство может в какой-то степени наложиться на ‘Один пояс – один путь’, но его идеи открытого, инклюзивного и согласованного развития совпадают с духом китайской инициативы. Поэтому две инициативы могут двигаться навстречу друг другу, обеспечивая развитие и стабильность в евразийском регионе в ходе перестройки международного политического и экономического порядка, стать рычагом формирования будущего мира” [ibidem].

Председатель Китайской ассоциации восточноевропейских, российских и центрально-азиатских исследований Ли Юнцюань, признавая определенную сложность процесса стыковки Большого Евразийского партнерства с китайской инициативой “Один пояс – один путь”, тем не менее считает, что увязывание стратегий развития России и Китая “имеет решающее значение” не только для построения Евразийского экономического партнерства, но и, в некотором смысле, для будущих перспектив этой организации”. Он уверен, что АСЕАН может стать частью новой структуры, а также что “в будущем согласование стратегий развития Китая и ЕАЭС под руководством России будет способствовать построению Евразийского экономического партнерства” [Li 2018: 97-98].

[14] 习近平, 习近平与俄罗斯总统普京举行会谈 **打造大欧**亚伙伴关系, CCTV, 2016**年六月**27**日** [Xi Jinping Held Talks with Russian President Vladimir Putin to Build a Greater Eurasian Partnership. – *CCTV.* 27.06.2016]. URL: http://news.ifeng.com/a/20160627/49247845_0.shtml (accessed 06.04.2020).

Чжао Хуашэн, наиболее авторитетный китайский специалист по России и Центральной Азии из Фуданьского университета в Шанхае, в статье, опубликованной в 2017 г., отзывался о российском проекте Большого Евразийского партнерства несколько более осторожно. По его мнению, не совсем ясно, станет ли реализация этого проекта долгосрочной стратегией или лишь переходным этапом в российской внешней политике. Эксперт также высказал сомнения относительно того, хватит ли у России ресурсов для реализации проекта. Однако, согласно Чжао Хуашэну, в целом курс на развитие сотрудничества в области экономики, дипломатии и безопасности в регионе Большой Евразии является рациональным и необходимым. "Сотрудничество в Большой Евразии совпадает с национальными интересами Китая, в особенности в связи с тем, что оно способствует реализации инициативы 'Один пояс – один путь'. Китай должен совместно с Россией и другими государствами продвигать сотрудничество в Большой Евразии", – заключает он [Zhao 2018: 84].

В другой статье эксперт указывал, что в рамках Большой Евразии Китай является участником и движущей силой, здесь перед ним не стоит вопроса политического выбора [Чжао 2019: 44]. Он дает следующую рекомендацию: "Китай и Россия должны перевести процесс сопряжения инициативы 'Один пояс – один путь' на этап практической реализации, серьезно подумать о начале переговоров о зоне свободной торговли между Китаем и ЕАЭС, практически продвинуть региональную экономическую интеграцию в рамках ШОС, реализовать на практике соответствующие соглашения проекты сотрудничества, совместно реагировать на проблемы региональной экономики и развития. В процессе создания Большой Евразии у Китая, России и Индии имеются важнейшие особые интересы. Китай должен еще более творчески использовать механизм РИК (Россия, Китай, Индия), расширять его содержательные рамки, смягчать китайско-индийские противоречия, укреплять доверие, наращивать взаимодействие между Китаем, Россией и Индией по региональным вопросам" [ibid.: 40].

Совершенно ясно, что в Китае как на государственном, так и на экспертном уровне, поддерживают выдвигаемые Россией планы интенсификации взаимодействия в Большой Евразии. Правительство КНР уже подключилось к реализации проекта Большого Евразийского партнерства и рассматривает различные варианты его реализации. Как явствует из двусторонних документов, этот проект вполне закономерно называть не российским, а российско-китайским.

Иные партнеры в Евразии

Отношение к евразийской интеграции в других странах региона также в целом довольно позитивно. В то же время еще не во всех из них по этому вопросу выработали официальную позицию. Казахстан с самого начала был одним из ее инициаторов, а Н.А. Назарбаев – большим поклонником этой идеи. Однако у казахстанского подхода есть и некоторые особенности: в Астане первостепенное внимание уделяют экономической составляющей евразийских проектов и выступают против их политизации.

Эта позиция сохранилась и после смены власти в стране: новый президент Казахстана К.К. Токаев в интервью "Российской газете" подчеркнул: "Мы считаем, что идея Большой Евразии – в широком понимании этого термина –

открывает горизонты для активизации экономических связей Азии и Европы, может стать и фундаментом формирования новой системы международных отношений на евразийском пространстве. Процессы, происходящие на нашем мегаконтиненте, на мой взгляд, формируют новые геополитические реалии...”[15]. Токаев, говоря о Центральной Азии, отметил: “Тесное взаимодействие стран региона, связанных узами стратегического партнерства с Россией, является серьезным фактором обеспечения мира, стабильности, безопасности в Евразии. Другими словами, достижение данной цели невозможно без России”. Он заключил, что “мы хотели бы видеть Большую Евразию единым евразийским пространством безопасности и процветания”[16].

Киргизия как член ЕАЭС, так же, как и Казахстан, подключена к процессам создания Большой Евразии через механизм сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Таджикистан, являясь членом ШОС и активным партнером китайской инициативы ЭПШП, тоже не останется в стороне. Это же касается и других членов ШОС, ЕАЭС и партнеров ЭПШП. В Узбекистане, который в последнее время стал активно открываться для внешнего мира, также проявляют интерес к Большой Евразии [Denisov, Safranchuk 2016; Khaydarov, Mirkasymov 2019]. Хотя официальная позиция крупнейшего евразийского игрока – Индии – пока не сформулирована, многие индийские специалисты высказывают позитивное отношение к идее активного сотрудничества с Россией в Евразии. Не последнюю роль здесь играет мысль о необходимости сбалансировать растущее влияние Китая.

Так, Радж Кумар, как и его китайские коллеги, признает, что Большое Евразийское партнерство “означает разочарование России в ее усилиях по интеграции в Европу, что подтолкнуло Москву к повороту на Восток”. Он утверждает: “Поскольку экономические ресурсы Китая могут влиять на регион больше, чем ресурсы России, у нее есть широкие возможности для сотрудничества с Индией на региональном уровне, чтобы избежать слишком большой зависимости от Китая. Это также укрепит экономические связи между Индией и Россией, которые были слабыми с момента распада Советского Союза. Обе страны могут сотрудничать в таких регионах, как Центральная Азия, Юго-Восточная Азия, Афганистан, Дальний Восток России и Арктика, чтобы еще больше укрепить свои отношения в рамках инициативы Большого Евразийского партнерства. Ослабление России не пойдет на пользу Индии, поэтому Нью-Дели должен помочь инициативе своего стратегического партнера укрепиться в регионе в период, когда Индия открыто критикует китайский проект ‘Один пояс – один путь’”[17]. Нандан Унникришнан и Ума Пурушотаман даже предлагают, чтобы Индия присоединилась к ЕАЭС, поскольку это “даст доступ к ее товарам во все географическое пространство по единому тарифу. Присоединение к нему также позволило бы Индии использовать и вносить вклад во внутреннюю железнодорожную и автомобильную сеть, связывающую членов ЕАЭС” [Purushothaman, Unnikrishnan 2019].

[15] Токаев К. Мы всегда будем вместе. – *Российская газета*. 02.04.2019. URL: https://rg.ru/2019/04/02/nakanune-vizita-v-moskvu-novyj-prezident-kazahstana-otvetil-na-voprosy-rg.html (accessed 04.06.2020).

[16] Там же.

[17] Kumar S. Russia’s Greater Eurasian Partnership is an opportunity for India. – *The Economic Times*. 06.10.2018. URL: https://economictimes.indiatimes.com/blogs/et-commentary/russias-greater-eurasian-partnership-is-an-opportunity-for-india/ (accessed 06.04.2020).

ВЫВОДЫ

Возникновение и развитие сообщества Большой Евразии не является исключительно российским планом или стремлением. Это объективный процесс, базирующийся на основных мировых геополитических тенденциях. Его фундаментом является российско-китайское сближение, обусловленное ростом Китая, распадом СССР и укреплением новой России, а также активными попытками США и их союзников сдерживать развитие обоих государств в рамках установления западного господства в международной политике. Другие государства региона имеют свои собственные интересы, что побуждает их к более активному участию в создании новой евразийской системы, свободной от вмешательства сил извне.

В некоторой степени Большая Евразия заполняет вакуум, возникший после распада СССР, в результате чего в 1990-е годы в течение определенного времени возникла иллюзия однополярности. Тем не менее основные государства Евразии чувствуют себя некомфортно в однополярном мире, ощущая себя незащищенными от постоянно растущих требований США и их союзников. Спрос на многополярный мир вырос, а затем принял реальные черты. Большая Евразия стала частью этого многополярного мира. Ее фундамент – начавшееся во второй половине 90-х годов XX в. сближение России и Китая, базирующееся на внутренних процессах в обеих странах, на которое в значительной степени повлияли враждебная политика Запада и изменения в мировой системе.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.04

RUSSIA AND CHINA IN GREATER EURASIA

A.V. Lukin[1,2]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

[2]*National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

LUKIN, Alexander Vladimirovich, Dr. Sci. (Hist.), Director, Center for East Asian and SCO Studies, Institute for International Studies, MGIMO University; Professor, National Research University Higher School of Economics, email: avlukin@hse.ru

Lukin A.V. Russia and China in Greater Eurasia. – Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 46-59. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.04

Acknowledgements. This work was funded by MGIMO-University, project number 1921-01-02.

Received: 05.05.2020. Accepted: 23.06.2020

Abstract. China and Russia are the main driving forces of Eurasian integration. Russia pursues its "pivot to Asia" while China by its Belt and Road Initiative (BRI) is moving to the West. The interests of Russia and China met in Eurasia and their friendly relations led to several projects of cooperation there. The most important of these are the process of linkage between Eurasian Economic Union and Silk Road Economic Belt Initiative and the plan to create a broader Eurasian Economic Partnership or Greater Eurasia. The Eurasian orientation was a result of a long and painful process of intellectual evolution of the Russian elite caused by realization that the West will never accept Russia as an equal and independent partner. No Moscow leader after Mikhail Gorbachev was originally anti-Western. Gorbachev, Yeltsin and Putin all tried a Western oriented policy first and at a later stage became disillusioned in it. This article studies the reasons which led the two countries to intensify their cooperation in Eurasia, its current state and prospects for the future.

Keywords: Greater Eurasia, Russia, China, Central Asia, Eurasian Integration, One Belt One Road Initiative.

References

Denisov I., Kazantsev A., Lukyanov F., Safranchuk I. 2019. Shifting Strategic Focus of BRICS and Great Power Competition. – *Strategic Analysis*. Vol. 43. No. 6. P. 487-498. https://doi.org/10.1080/09700161.2019.1669888

Denisov I., Safranchuk I. 2016. Four Problems of the SCO in Connection with Its Enlargement. – *Russian Politics and Law*. Vol. 54. P. 5-6, 494-515. https://doi.org/10.1080/10611940.2016.1296304

Khaydarov A., Mirkasymov S. 2019. Uzbek Perspectives on Eurasia. – *India Quarterly*. Vol. 75. No. 1. P. 94-99. https://doi.org/10.1177/0974928418821469

Li Y. 2018. The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? – *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 9. No. 2. P. 94-99. https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.004

Li Z. 2017. The Greater Eurasian Partnership: Remodeling the Eurasian Order? – *China International Studies*. March 20. P. 46-65.

Lukin A. 2018. *China and Russia: The New Rapprochement*. Polity: Cambridge.

Lukin A., Torkunov A. 2020. Trump's Policies and the Sino-Russian Entente. – *Survival: Global Politics and Strategy*. Vol. 62. No. 2. P. 27-36. https://doi.org/10.1080/00396338.2020.1739946

Mackinder H. 1904. The Geographical Pivot of History. – *The Geographical Journal*. Vol. 23. No. 4. P. 421-437. https://doi.org/10.2307/1775498

Purushothaman U., Unnikrishnan N. 2019. A Tale of Many Roads: India's Approach to Connectivity Projects in Eurasia. – *India Quarterly*. Vol. 75. No. 1. P. 69-86. https://doi.org/10.1177/0974928418821488

Spykman N. 1942. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. New York, Harcourt: Brace and Company.

Zhao H. 2018. Greater Eurasian Partnership: China's Perspective. – *China International Studies*. No. 68. P. 68-84.

Brzezinski Z. 2016. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. (Russ. ed.: Brzezinski Z. *Velikaya shakhmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy*. Moscow: AST. 702 p.)

Frolov A. 2016. "Centers of Power" and Multipolarity: a Look through Time. – *The International Affairs*. No. 11. P. 106-121. (In Russ.)

Karaganov S. 2018. We Have Exhausted the European Pantry. – *Russia in Global Affairs*. (In Russ.)URL: https://globalaffairs.ru/articles/my-ischerpali-evropejskuyu-kladovuyu/ (accessed 06.04.2020).

Kissinger H. 2018. Diplomacy. (Russ. ed.: Kissinger H. *Diplomatiya*. Moscow: Ladomir).

Surkov V. 2018. Loneliness of the Half-Blood. – *Russia in Global Affairs*. (In Russ.) URL: https://globalaffairs.ru/articles/odinochestvo-polukrovki-14/ (accessed 06.04.2020)

Trenin D. 2015. *Ot Bol'shoi Evropy k Bol'shoi Azii? Kitaisko-rossiiskaya Antanta* [From Greater Europe to Greater Asia? Sino-Russian Entente]. Moscow: Moscow Carnegie Center.

Zhao Huasheng. 2019. Indo-Pacific Strategy and Greater Eurasia: Understanding and Response. – *Guojiwenti yanjiu*. No. 2. P. 27-46. (In Chinese).

Литература на русском языке

Бжезинский З. 2016. *Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы*. Москва: Издательство АСТ. 702 с.

Караганов С. 2018. Мы исчерпали европейскую кладовую. – *Россия в глобальной политике*. URL: https://www.globalaffairs.ru/articles/my-ischerpali-evropejskuyu-kladovuyu/ (accessed 06.04.2020).

Киссинджер Г. 1997. *Дипломатия*. М.: Ладомир. 848 с.

Сурков В. 2018. Одиночество полукровки. – *Россия в глобальной политике*. URL: https://www.globalaffairs.ru/articles/odinochestvo-polukrovki-14/ (accessed 06.04.2020).

Тренин Д. 2015. *От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта*. М.: Московский Центр Карнеги.

Фролов А. 2016. "Центры силы" и многополярность: взгляд сквозь время. – *Международная жизнь*. № 11. С. 106-121.

Литература на китайском языке

赵华胜· 印台战略与大欧亚：分析与应对· 国际问题研究· 2, 2019年, 27-46. [Чжао Хуашэн 2019. Иньтай чжаньлюэ юй Даоуя: фэньси юй индуй. – *Гоцзи вэньти яньцзю* (Индо-тихоокеанская стратегия и Большая Евразия: анализ и ответ. – *Международные исследования*. № 2. С. 27-46)].